

КНИГА, ПОКОРИВШАЯ СЕРДЦА
МИЛЛИОНОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

БЛЕСТЯЩАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ!

Тэсс вынуждена была с юных лет стать опорой для своей семьи. На плечи хрупкой девушки упало бремя тяжелых забот. Но судьба дарит ей шанс вырваться из нищеты и горестей. Мать Тэсс узнает, что неподалеку от их деревни живет богатая миссис д'Эрбервилль. И, решив, что та является их дальней родственницей, Тэсс отправляется к ней. В роскошном поместье девушку встречает сын мисс д'Эрбервилль – молодой и привлекательный Алек. Он обещает помочь девушке. Ее светлый образ пленил его сердце. Но такими ли светлыми являются помыслы знатного красавца? И какие испытания предстоит пройти этой хрупкой девушке, чтобы обрести право на счастье?



www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5776-4



9 786171 257764

Томас Гарди

ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ



Томас
Гарди

ТЭСС ИЗ РОДА
Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ



Thomas Hardy

TESS OF THE
D'URBERVILLES

A PURE WOMAN
FAITHFULLY PRESENTED

A Novel

Томас Гарди

ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

ЧИСТАЯ ЖЕНЩИНА,
ПРАВДИВО ИЗОБРАЖЕННАЯ

Роман

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2019  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Г20



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Александры Кривцовой*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5776-4

- © DepositPhotos.com / marco-garrincha, обложка, 2019
- © Pixabay.com / TheDigital-Artist, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

...Бедное поруганное имя!
Сердце мое, как ложе, приютит тебя.

В. Шекспир

ФАЗА ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА

1

Однажды вечером во второй половине мая человек средних лет шел домой из Шестона в деревню Марлот, находившуюся неподалеку, в долине Блекмор, или Блекмур. Ноги его не слушались, и он то и дело отклонялся влево от прямой линии. Иногда он энергично кивал головой, словно в подтверждение какой-то мысли, хотя, в сущности, ни о чем определенном не думал. Пустая корзинка из-под яиц висела у него на руке; ворс на шляпе был взъерошен и совсем вытерт в том месте полей, где их касался большой палец, когда человек снимал шляпу. Вскоре с ним повстречался пожилой священник, который ехал на серой кобыле и мурлыкал какую-то песенку.

— Добрый вечер, — сказал человек с корзинкой.

— Добрый вечер, сэръ Джон, — отозвался священник.

Пешеход, сделав еще два-три шага, остановился и оглянулся.

— Прошу прощения, сэръ, в прошлый базарный день мы с вами встретились в это же время, на этой же дороге,

и я сказал: «Добрый вечер», а вы, вот как сейчас, ответили: «Добрый вечер, сэра Джон».

— Совершенно верно, ответил, — сказал священник.

— И еще раз перед этим — почти месяц назад.

— Возможно.

— Ну так почему же вы меня зовете «сэр Джон», когда я просто Джек Дарбейфилд, возчик?

Священник подъехал к нему поближе.

— Так мне захотелось, — сказал он и, секунду поколебавшись, добавил: — Видите ли, не так давно я разыскивал родословные для новой истории графства и сделал одно открытие. Я — священник Трингхэм, антикварий из Стэгфут-Лейна. Неужели вы не знаете, Дарбейфилд, что вы происходите по прямой линии от древней рыцарской семьи д'Эрбервиллей, которые ведут свой род от сэра Пэгана д'Эрбервилля, того знаменитого рыцаря, что приехал из Нормандии с Вильгельмом Завоевателем, как видно из записей, хранящихся в аббатстве Бэттл?

— Никогда об этом не слыхивал, сэра.

— Однако это так. Приподнимите-ка голову, чтобы я мог получше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервиллей, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавилла в Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии; имена ваших предков упоминаются в списках королевского казначея во времена короля Стефана. При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан вызван был в Вестминстер для участия в Великом Совете. Ваш род начал приходить в упадок во времена Оливера Кромвеля, но потом положение опять изменилось, и при короле Карле Втором ваши предки за верность королю были

посвящены в рыцари Королевского Дуба. В каждом поколении вашего рода был сэр Джон, и будь рыцарское звание, подобно баронетству, наследственным, каковым оно на деле и являлось в былые времена, когда сын рыцаря почти всегда посвящался в рыцари, — вы были бы теперь сэром Джоном.

— Да не может быть!

— Короче говоря, — внушительно заключил священник, похлопывая себя хлыстом по ноге, — вряд ли в Англии найдется второй такой же род.

— Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? — сказал Дарбейфилд. — А я-то тут болтаюсь год за годом, как не прикаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, сэр?

Священник объяснил, что, насколько он может судить, сведения эти давно затерялись и вряд ли кто-нибудь помнит сейчас об этом. Сам он прошлой весной, занимаясь изучением судьбы рода д'Эрбервиллей, заметил однажды на какой-то повозке фамилию Дарбейфилд, и это побудило его навести справки о родословной ее владельца, и теперь он уверен, что его предположение оказалось верным.

— Сначала я решил не тревожить вас такими бесполезными сообщениями, — сказал он. — Однако разум наш иногда не может справиться с нашими побуждениями. Я подумал: пожалуй, вам уже кое-что об этом известно.

— Да, я слышал разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни до той поры, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал — речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, господи помилуй, велика штука — резная печать!.. И подумать только, что я и эти благородные д'Эрбервилли — одна плоть и кровь! Люди толковали, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда

пришел... А осмелюсь спросить вас, сэра, где поднимается теперь дым над нашим очагом, — ну, то есть, где мы, д'Эрбервилли, живем?

— Вы нигде не живете. Ваш род угас.

— Плохо дело.

— Да... как говорят лживые семейные хроники, род пресекается по мужской линии — иными словами, зачах, пришел в упадок.

— Ну а где мы лежим?

— В Кингсбир-суб-Гринхилле; там множество ваших склепов, и ваши изваяния покоятся под сводами из пурбекского мрамора.

— А где же наши родовые замки и поместья?

— У вас их нет.

— О! И земли нет?

— Никакой; хотя земли, как я уже сказал, у вас когда-то было много, ибо ваш род состоял из многочисленных ветвей. В этом графстве было у вас поместье в Кингсбуре и еще одно в Шертоне, а также в Милпонде, в Лулстедде и Уэллбридже.

— А вернется ли к нам когда-нибудь наша собственность?

— Ну, этого я не могу сказать.

— Так что же вы мне посоветуете делать, сэра? — помолчав, спросил Дарбейфилд.

— Ничего; а впрочем, попробуйте очистить свой дух, размышляя о «падении сильных мира сего». Все это представляет интерес лишь для историка здешних мест и человека, занимающегося генеалогией, — но и только. Среди поселян нашего графства есть несколько семейств, почти не уступающих вам в знатности происхождения. Ну, до свидания!

— А не согласитесь ли вы, сэра, повернуть по этому случаю назад и распить со мною кружку пива? В трактире

«Чистая капля» подают очень хорошее пиво, — хотя, конечно, оно будет похуже, чем у Ролливера.

— Нет, благодарю вас, Дарбейфилд, — не сегодня: вы уже достаточно выпили.

С этими словами священник поехал своей дорогой, сомневаясь, благоразумно ли он поступил, сообщив эти любопытные сведения.

Когда он уехал, Дарбейфилд в глубокой задумчивости сделал несколько шагов, а затем присел на поросшую травой придорожную насыпь, поставив корзинку перед собой. Спустя несколько минут вдали показался юноша, который шел в том же направлении, что и Дарбейфилд. Последний, заметив его, поднял руку; юноша ускорил шаги и подошел ближе.

— А ну, парень, возьми эту корзинку! Я хочу дать тебе поручение.

Долговязый юноша нахмурился:

— А вы кто такой будете, Джон Дарбейфилд, чтобы приказывать мне и называть меня «парень»? Вы мое имя знаете не хуже, чем я ваше.

— Да ты-то знаешь ли? Вот в чем секрет, вот в чем секрет! А теперь слушай меня и исполни поручение, которое я тебе дам... Ну, Фред, я, уж так и быть, открою тебе тайну: я происхожу из благородной семьи, — я это узнал только что, как раз сегодня вечером.

И, объявляя эту новость, Дарбейфилд, небрежно откинувшись, растянулся на траве среди маргариток. Юноша стоял перед Дарбейфилдом и оглядывал его с ног до головы.

— Сэр Джон д'Эрбервилль — вот кто я такой, — продолжал лежавший. — То есть был бы им, будь теперь рыцари баронетами, — а раньше ведь так оно и было... Все сведения обо мне занесены в историю. Известно ли тебе, парень, такое место — Кингсбир-суб-Гринхилл?

— Да. Я был там на гринхиллской ярмарке.

— Так вот, под церковью в этом городе лежат...

— Какой же это город — то местечко, о котором я говорю? Во всяком случае, когда я там был, оно городом не было — так себе, маленькое глухое местечко.

— Неважно, парень, город это или не город, не о том идет речь. Под церковью этого прихода в огромных свинцовых гробах, которые весят много тонн, лежат мои предки — сотни их — в кольчугах и драгоценностях. В графстве Саут-Уэссекс не найдется человека, который имел бы в своем роду покойников, знатнее и благороднее моих.

— Да ну?

— Теперь бери эту корзинку и ступай в Марлот, а когда придешь в харчевню «Чистая капля», скажи, чтобы немедленно прислали за мной лошадь и карету отвезти меня домой. А в карету пусть положат бутылочку рому и запишут на мой счет. А когда ты это сделаешь, ступай с корзинкой ко мне домой и скажи моей жене, чтобы она отложила стирку, потому что ей незачем ее кончать, и пусть ждет, пока я не приеду, — есть у меня для нее новости.

Так как юноша стоял в нерешительности, Дарбейфилд сунул руку в карман и извлек шиллинг, хотя их у него было не так уж много.

— Вот тебе за труды, паренек.

После этого юноша оценил все случившееся совсем по-иному.

— Слушаю, сэра Джон. Благодарю вас. Чем еще могу вам служить, сэра Джон?

— Скажи им там, дома, что я бы хотел на ужин жареного барашка, если они могут его раздобыть; а если не могут — кровяную колбасу; а если и этого не могут, — ну, тогда я обойдусь рубцами.

— Слушаю, сэра Джон.

Юноша взял корзинку и тронулся было в путь, как вдруг с той стороны, где находилась деревня, донеслись звуки духового оркестра.

— Что это? — спросил Дарбейфилд. — Уж не в мою ли честь?

— Это гулянье женского клуба, сэра Джон. Да ведь ваша дочь в нем тоже состоит.

— Верно, я совсем об этом забыл, размышляя о более высоких предметах. Ну, отправляйся в Марлот и закажи карету, а я, может быть, поеду погляжу на этот клуб.

Юноша ушел, а Дарбейфилд остался лежать на траве в маргаритках, золотившихся в лучах заходящего солнца. Дорога была совсем пустынна, и только приглушенные расстоянием звуки оркестра возвещали о присутствии людей в этой долине, окаймленной синими холмами.

2

Деревня Марлот расположена на северо-западном склоне красивой долины, которая, как говорилось выше, называется Блекмор, или Блекмур, — уединенной долины, опоясанной грядою гор и в большей своей части еще неведомой туристам и художникам-пейзажистам, хотя находится она в четырех часах езды от Лондона.

Лучше всего можно познакомиться с долиной, обозревая ее с вершин холмов, которые ее окружают, — неблагоприятным для этого временем является, пожалуй, только пора летних засух. Но блуждать без проводника по уединенным ее уголкам в плохую погоду — значит почти наверное возненавидеть эти узкие, извилистые и грязные тропы.

Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают, ограничена с юга крутым меловым кряжем

с вершинами Хэмблдон-Хилл, Балбэрроу, Нетлком-Таут, Догбери, Хай-Стой и Баб-Даун. Путник с побережья, пройдя десятка два миль на север по известковым холмам и пашням и достигнув края одного из этих обрывов, с изумлением и восторгом созерцает раскинувшуюся у его ног, словно карта, страну, совсем не похожую на ту, которую он миновал. Позади него — пологие холмы, поля, залитые солнцем, такие обширные, что пейзаж кажется ничем не обрамленным; дороги там белые, живые изгороди низки и ветки их кустов густо переплелись, воздух бесцветен. А здесь, в долине, мир словно построен по меньшему и более изящному масштабу: поля невелики, и с высоты окаймляющие их живые изгороди кажутся сеткой из темно-зеленых нитей, растянутой на светло-зеленой траве. Воздух внизу дремотен и так густо окрашен лазурью, что средний план, говоря языком художников, также принимает синеватый оттенок, а дальше, на горизонте, темнеют глубокие ультрамариновые тона. Пахотной земли мало, и почти везде раскинулась широкая пышная мантия из травы и деревьев, одевающая более низкие холмы и долины, замкнутые высокими холмами. Такова долина Блекмур.

Местность эта представляет не только топографический, но и исторический интерес. В былые времена долина называлась Лесом Белого Оленя, и с ней связана любопытная легенда, повествующая о том, как в царствование короля Генриха III неким Томасом де Линдом был убит великолепный белый олень, которого загнал, но пощадил король, — и наказанием за это был высокий денежный штраф. В ту пору и до сравнительно недавнего времени здесь были дремучие леса. И по сей день виднеются еще следы их: склоны долины кое-где одевает дубняк и сосновые рощи, а на пастбища бросаются огромные дуплистые деревья.

Леса исчезли, но сохранились некоторые древние обычаи, родившиеся под их сенью; многие из них, однако, ли-

бо видоизменились, либо существуют в замаскированной форме. Пляску Майского дня, например, можно было наблюдать в день, о котором идет речь, под видом клубного праздника, или «клубного гулянья», как называли его в тех краях.

Обычай этот ревностно соблюдался молодежью Марлота, хотя истинный его смысл был неведом участникам церемонии. Особенность этого праздника заключалась не столько в самой процессии и плясках, сколько в том, что в процессии участвовали одни женщины. В мужских клубах такие празднества устраивались чаще, хотя и выходили из моды; но природная ли робость слабого пола или саркастическое отношение родственников-мужчин лишило те женские клубы, какие еще существовали (если имелись таковые, кроме клуба марлотского), блеска и веселья. Только клуб в Марлоте еще организовывал празднества в честь местной Цереры. В течение столетий он устраивал шествия — еще с тех пор, когда был не клубом, а своеобразным женским орденом — и продолжает устраивать их и по сей день.

Все участницы процессии были одеты в белые платья — веселый пережиток далеких дней, когда беззаботность и май были синонимами, — дней, предшествовавших тому времени, когда привычка заглядывать далеко вперед стерла яркость эмоций. Сначала, построившись попарно, они обошли вокруг деревни. Идеал и реальность слегка повздорили, когда солнце осветило шествие и фигуры четко выделились на фоне зеленых изгородей и домов, обвитых ползучими растениями, ибо, хотя все участницы процессии одеты были в белые платья, здесь не было двух одинаковых белых тонов. Иные платья сияли снежной белизной, в других проглядывал синеватый оттенок, тон третьих, облакавших особ постарше (и, быть может, пролежавших сложенными много

лет), казался желтовато-мертвенным, и сшиты они были по моде времен Георгов.

Однако этих женщин и девушек отличало не только белое платье: каждая из них несла в правой руке жезл — ивовый прут, с которого была содрана кора, — а в левой букетик белых цветов. И каждая должна была сама снять кору с прута и выбрать цветы для букета.

В процессии участвовало несколько женщин средних лет и даже пожилых, — их серебряные жесткие волосы и морщинистые лица, исхлестанные временем и невзгодами, странно не вязались с окружающим весельем, вызывая если не насмешку, то, во всяком случае, — глубокую жалость. В сущности, о каждой из этих женщин, отягченных заботами и опытом, — о каждой женщине, чьи годы приближают ее к возрасту, о котором она скажет: «Он не дает мне радости», можно было бы узнать и рассказать гораздо больше, чем о молодых их товарках. Но оставим пожилых ради тех, в чьих жилах кровь пульсирует быстро и жарко.

Молодые девушки были здесь в большинстве, и роскошные их волосы отливали в лучах солнца золотыми, черными и каштановыми тонами. У одних были красивые глаза, у других — красивый нос или красивый рот и фигура, но почти никто из них не обладал всем этим одновременно. Было заметно, что, выставя себя напоказ, они нарочно сжимают сурово губы, не умеют нести голову высоко и не могут стереть с лица смущение, — это были настоящие деревенские девушки, непривычные к тому, чтобы на них глазели.

Их всех равно пригревало солнце, но у каждой было и свое маленькое солнышко, в лучах которого грелась душа: какая-нибудь мечта, привязанность, фантазия или хотя бы туманная, слабая надежда, которая, не получая пищи, чахла, быть может, но продолжала жить, как живут надежды. И потому все были беззаботны, а многие веселы.

Они обошли трактир «Чистая капля» и уже сворачивали с большой дороги к воротам, чтобы выйти на луг, когда одна из женщин воскликнула:

— Господи помилуй! Смотри-ка, Тэсс Дарбейфилд, уж не твой ли это отец едет домой в карете?!

Услышав это восклицание, одна молоденькая участница процессии повернула голову. Это была красивая девушка, быть может, не более красивая, чем некоторые другие, но подвижный алый рот и большие невинные глаза подчеркивали ее миловидность. Волосы она украсила красной лентой и среди женщин, одетых в белое, была единственной, которая могла похвастаться таким ярким украшением. Оглянувшись, она увидела, что Дарбейфилд едет по дороге в фаэтоне, принадлежащем «Чистой капле», которым правит кудрявая мускулистая девица с засученными выше локтя рукавами. Девица эта была веселой служанкой трактира и, исполняя свою роль фактотума, превращалась иногда в конюха и грума. Дарбейфилд, откинувшись на спинку сиденья и блаженно закрыв глаза, помахивал рукой и медленно тянул речитативом:

— У — меня — в Кингсбире — есть — большой — семейный — склеп — и — рыцари — предки — лежат — там — в свинцовых — гробах!

Члены клуба захихикали — все, кроме Тэсс, которую, казалось, в жар бросило оттого, что ее отец служит предметом насмешек.

— Он устал, вот и все, — поспешно сказала она, — и договорился, что его подвезут, потому что наша лошадь должна сегодня отдыхать.

— Ну и простушка же ты, Тэсс! — отозвались ее товарищи. — Он хлебнул сегодня на базаре. Ха-ха!

— Слушайте, я ни шагу не ступлю дальше, если вы будете над ним смеяться! — крикнула Тэсс, и румянец, горевший

на ее щеках, разлился по лицу и шее. На глазах у нее показались слезы, и она отвернулась.

Товарки, заметив, что обидели ее, не сказали больше ни слова, и процессия продолжала путь. Гордость не позволила Тэсс оглянуться еще раз, узнать, о чем, собственно, говорил ее отец; и она шла вместе с процессией к лугу, где должны были начаться танцы. Но когда они пришли к этому месту, Тэсс уже обрела утраченное душевное равновесие и, похлопывая свою соседку ивовым прутом, болтала, как всегда.

В эту пору жизни Тэсс Дарбейфилд была лишь сосудом эмоций, не окрашенных опытом. Хоть она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения, — а для диалекта этой области характерным являлось злоупотребление звуком «э», правда, не уступающим по выразительности ни одному другому в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

В лице ее все еще таилось что-то детское. И сегодня, несмотря на ее яркую женственность, щеки ее иной раз навели на мысль о двенадцатилетней девочке, сияющие глаза — о девятилетней, а изгиб рта — о пятилетней крошке.

Однако мало кто это замечал, и почти никто над этим не задумывался. Изредка какой-нибудь прохожий долго смотрел ей вслед, очарованный ее свежестью, жалея, что больше ее не увидит, но почти для всех она была красивой деревенской девушкой — и только.

Больше не видно и не слышно было Дарбейфилда в триумфальной его колеснице, управляемой конюхом женского пола, и когда процессия достигла луга, начались танцы. Так как мужчин в этой компании не было, то сначала девушки танцевали друг с другом, но к концу трудового дня мужское население деревни вместе с зеваками со всей округи и лю-

бопытными прохожими собралось у изгороди и, казалось, не прочь было принять участие в танцах.

Среди зрителей находились трое молодых людей, принадлежавших к иному общественному кругу; за спиной у них висели маленькие сумки, в руках они держали крепкие палки. Сходство их и небольшая разница в возрасте показывали, что они братья; так оно и было на самом деле. Старший носил костюм помощника приходского священника — белый галстук, закрытый жилет, шляпу с узкими полями; второй был студентом; во внешности младшего не было ничего характерного, — в его глазах и в костюме чувствовалось что-то вольное, не стесненное рамками, подсказывающее, что вряд ли он уже нашел свою профессиональную колею; оставалось лишь предположить, что он только лишь нащупывает свой путь в жизни.

Эти три брата сообщили случайному знакомому, что они проводят каникулы, совершая прогулку по долине Блекмур, и путь их лежит из города Шестона, с северо-востока на юго-запад.

Они остановились у калитки, которая вела на луг, и осведомились, по какому случаю эта пляска и почему девушки одеты в белые платья. Два старших брата явно не намерены были мешкать здесь, но третьего, казалось, забавляла эта стайка девушек, танцующих без кавалеров, и он не спешил продолжать путь. Сняв дорожную сумку, он положил ее вместе с палкой у изгороди и открыл калитку.

— Что ты задумал, Энджел? — спросил старший.

— Я не прочь пойти и поплясать с ними. А почему бы нам всем не остаться здесь на минутку — нас это надолго не задержит.

— Вздор! — отозвался первый. — Танцевать на людях с толпой деревенских дикарок! А что, если нас увидят? Идем, а не то стемнеет раньше, чем мы доберемся до Стоуркэстла, а ближе нам негде переночевать; да кроме того, перед сном

мы должны прочесть еще главу из «Отпора агностицизму», раз уж я потрудился взять эту книгу.

— Хорошо, я догоню вас с Катбертом через пять минут. Не останавливайтесь; даю слово, что я вас догоню, Феликс.

Двое старших неохотно расстались с братом и пошли дальше, захватив его дорожную сумку, чтобы тому легче было их догнать, а младший прошел на луг.

— Какая жалость, мои милые! — галантно обратился он во время перерыва в танцах к двум или трем девушкам, стоявшим поблизости. — Где же ваши кавалеры?

— Они еще не кончили работать, — ответила самая бойкая. — Скоро они явятся. А пока не хотите ли быть нашим кавалером, сэръ?

— Разумеется. Но вас много, а я один.

— Все лучше, чем ничего. Очень уж скучно танцевать девушке с девушкой. Никто тебя не обнимет, не прижмет. Ну-ка, выбирайте!

— Шш... не приставай! — сказала другая, более застенчивая.

Получив приглашение, молодой человек окинул всех взглядом и попытался сделать выбор; но так как этих девушек он видел впервые, то решить было нелегко. Он пригласил чуть ли не первую, какая ему попала на глаза, — это была не та, которая с ним говорила, хоть именно она на это и рассчитывала, и не Тэсс Дарбейфилд. В битве жизни родословное древо, предки, покоящиеся в склепах, славное прошлое и наследственные черты д'Эрбервиллей не помогали пока Тэсс и даже не делали ее более привлекательной в глазах кавалеров по сравнению с простыми крестьянками. Немного стоит нормандская кровь, если нет викторианского богатства.

Имя девушки, затмившей остальных, не сохранилось для потомства, но ей завидовали все, потому что в тот вечер она первая имела счастье танцевать с кавалером. Впрочем,

столь заразителен бывает пример, что деревенские парни, не спешившие на луг, пока никто с ними не соперничал, ринулись теперь туда; мужчин в парах становилось все больше и больше, и вскоре даже последняя дурнушка в клубе уже не отплясывала за кавалера.

Пробили церковные часы, и студент внезапно заявил, что ему придется уйти... он совсем забыл... он должен догнать своих спутников... Когда он уже отошел от танцующих, взгляд его упал на Тэсс Дарбейфилд — а уж если говорить правду, в ее больших глазах таился легкий упрек: почему не ее он выбрал? Тогда и он пожалел, что не заметил ее, чему виной была ее застенчивость; и с этой мыслью он ушел с луга.

Чтобы наверстать потерянное время, он пустился бегом по тропинке на запад, быстро миновал ложбину и поднялся на холм. Братьев он еще не догнал, но приостановился, чтобы перевести дыхание, и оглянулся. На зеленом лугу кружились белые фигуры девушек, так же как кружились они, когда он был среди них. Казалось, он уже совсем забыт.

Все — за исключением, быть может, одной. Эта белая фигурка стояла в стороне, у изгороди. В ней он узнал хорошенькую девушку, с которой не танцевал. Хоть это был пустяк, но инстинктивно он почувствовал, что она обижена его небрежностью. Он пожалел, что не пригласил ее, пожалел, что не узнал ее имени. Она была так скромна, так мила, такой нежной казалась в своем легком белом платье... он почувствовал, что поступил глупо.

Однако помочь этому было нельзя; повернувшись, он заставил себя идти скорым шагом и отогнал мысль о ней.

3

Однако Тэсс Дарбейфилд не так легко забыла этот эпизод. Не сразу решилась она снова принять участие в танцах; хотя

кавалеров могло быть у нее много, но — уввы! — они не были так любезны, как этот незнакомый молодой человек. И лишь когда на склоне холма лучи солнца поглотили удаляющуюся фигуру незнакомого юноши, стряхнула она с себя мимолетную печаль и ответила согласием приглашавшему ее кавалеру.

Она оставалась со своими товарками до сумерек и танцевала с большим удовольствием; хотя движения в такт музыке были ей приятны сами по себе — сердце ее еще никем не было затронуто; видя «сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние» тех девушек, чьи сердца не устояли перед долгой осадой, она и не догадывалась, на какое чувство окажется способна сама. Ссоры парней из-за ее руки во время джиги были для нее только развлечением, и когда молодые люди начинали чересчур горячиться, она их журила.

Быть может, осталась бы она на лугу и дольше, если бы вдруг не вспомнила с тревогой о странном поведении отца; мучимая беспокойством, она покинула танцующих и пошла в конец деревни, где стоял родительский дом.

Не дойдя до коттеджа нескольких десятков шагов, она снова услышала ритмические звуки, но уже не те, от которых ушла, — звуки знакомые, давно-давно знакомые! Из дома доносилось равномерное постукивание, вызванное энергичным раскачиванием колыбели, стоявшей на каменном полу; и под такой аккомпанемент женский голос задорной скороговоркой пел песенку про пеструю корову:

Я видел, как она легла-а-а вон в той зеленой ро-о-о-ще:
Идем со мной, любовь моя, и ты ее отыщешь.

Затем и постукивание колыбели и песня на секунду стихали и раздавались воркующие восклицания:

— Бог да благословит твои бриллиантовые глазки! И нежные щечки! И вишневый ротик! И миленькие ножки! И каждый кусочек тельца!

После этого моления стук и пенье возобновлялись, и «Пестрая корова» начиналась сначала. Так обстояло дело, когда Тэсс открыла дверь, вошла и остановилась у порога, обозревая представившуюся ее глазам картину.

Несмотря на пение, от этой комнаты повеяло на девушку невыразимой тоской. После веселого праздничного дня — белых платьев, букетов, ивовых жезлов, пляски на зеленом лугу, вспышки нежного чувства к незнакомцу — этот желтый тусклый свет одной-единственной свечи, озарявший тоскливую картину... Какой резкий переход! Однако она почувствовала не только болезненное разочарование, но и ледящий укор совести оттого, что не вернулась раньше, чтобы помочь матери в домашних делах, а веселилась на лугу.

Ее мать стояла, окруженная детьми, как оставила ее Тэсс, — стояла, склонившись над лоханью, занятая стиркой, которую, как всегда, отложила с понедельника до конца недели. Из этой лохани извлечено было накануне — Тэсс почувствовала мучительные угрызения совести — то самое белое платье, которое она так небрежно запачкала зеленью у подола, гуляя по росистой траве, — платье, выжатое и выглаженное руками ее матери.

По обыкновению, миссис Дарбейфилд балансировала перед лоханью на одной ноге, а другой покачивала колыбель младшего ребенка. Качалка, на которой стояла колыбель, столько лет выдерживала тяжесть стольких детей, что от трения о каменный пол полозья ее стали почти плоскими; поэтому колыбель, качаясь, резко подпрыгивала, и младенец перекачивался из стороны в сторону, словно ткацкий челнок. А миссис Дарбейфилд, возбужденная собственным пением, раскачивала колыбель со всем пылом, какой сохранился в ней после длинного дня возни с лоханью.

Тук-тук, тук-тук — стучала колыбель; пламя свечи вытянулось и заплясало, вода капала с локтей матери, песня

бойко мчалась к концу куплета, а миссис Дарбейфилд смотрела на свою дочь. Даже теперь, обремененная детьми, Джоан Дарбейфилд по-прежнему страстно любила петь. Какая бы песенка ни проникла из внешнего мира в долину Блекмур, мать Тэсс запоминала ее в течение недели.

До сих пор еще можно было уловить в лице женщины свежесть и даже миловидность молодости, и было ясно, что очарование, каким могла похвастаться Тэсс, является преимущественно даром матери и, следовательно, наследием не рыцарским, не историческим.

— Дай-ка я покачаю колыбель, мама, — мягко сказала дочь. — Или, может, мне снять праздничное платье и помочь тебе выжать белье? Я думала, ты давным-давно кончила.

Мать нимало не сердилась на Тэсс за то, что та ушла надолго и предоставила ей одной заниматься домашними делами; да она и редко попрекала ее за это, почти не нуждаясь в помощи Тэсс, ибо ее обыкновением было облегчать себе дневные труды, откладывая их на будущее. А сегодня вечером она была в настроении еще более радужном, чем обычно. Девушка не могла понять, почему мать смотрит на нее мечтательно, озабоченно, восторженно.

— Ну, я рада, что ты пришла, — сказала мать, допев последнюю ноту. — Я сейчас схожу за твоим отцом, только прежде мне хочется рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза вытаращишь, когда узнаешь!

— Это случилось, пока меня не было дома? — спросила Тэсс.

— Да!

— Уж не потому ли отец ехал сегодня таким баринком в карете? Зачем он это сделал? Я готова была сквозь землю провалиться от стыда!

— Все потому же! Оказывается, мы самые что ни на есть знатные люди в целом графстве... наши предки жили задолго

до Оливера Кромвеля, еще при турках-язычниках, — и у нас есть памятники, склепы, щиты, гербы и бог его знает что еще. В дни мученика Карла нас сделали рыцарями Королевского Дуба, а настоящая наша фамилия д'Эрбервилль! Ну что, забилось сердечко? Вот потому-то твой отец и ехал домой в карете, а вовсе не потому, что был пьян, как подумали иные.

— Очень рада. А будет нам от этого какой-нибудь прок, мама?

— Еще бы! Нужно думать, что произойдут великие события. И как только это станет известно, люди, такие же знатные, как и мы, приедут сюда в своих каретах. Отец узнал об этом, когда шел домой из Шестона, и рассказал мне все как есть.

— А где сейчас отец? — спросила вдруг Тэсс.

Мать ответила не относящимся к делу сообщением:

— Сегодня он зашел к доктору в Шестоне. Оказывается, у него вовсе не чахотка. Он говорит, что это просто жир вокруг сердца. Вот оно как получается. — С этими словами Джоан Дарбейфилд согнула большой и указательный пальцы, покрытые мыльной пеной, изобразив большое «С», а указательным пальцем другой руки воспользовалась как указкой. — «Сейчас, — сказал он твоему отцу, — ваше сердце затянато жиром вот тут и вот тут; а это место еще свободно. Как только и оно затянется, — миссис Дарбейфилд соединила концы пальцев, — погаснете вы, как свеча, мистер Дарбейфилд. Вы можете, говорит, протянуть десять лет, а можете умереть через десять месяцев или десять дней».

Тэсс встревожилась. Отец ее внезапно достиг величия и, несмотря на это, может так скоро уйти в вечность!

— Но где же отец? — снова спросила она.

Мать посмотрела на нее умоляюще.

— Только ты уж не сердись! Бедняга, он так ослабел после этих новостей, что пошел на полчаса к Роливеру.

Хочет набраться сил, потому что завтра он должен отвезти эти ульи, — хоть мы и происходим из знатного рода, а это нужно сделать. Ему придется выехать сейчас же после полуночи — путь дальний.

— Хочет набраться сил! — вспыхнула Тэсс, и слезы затуманили ей глаза. — О господи! И для этого идти в трактир! А ты потекаешь ему, мама!

Тоскливое отчаяние, казалось, заполнило всю комнату и придало унылый вид мебели, свече, даже игравшим детям и матери.

— Нет, — обиженно сказала последняя, — я ему не потекаю. Я ждала тебя, чтобы ты присмотрела за домом, а я пойду приведу его.

— Я пойду.

— Нет, Тэсс. Ты знаешь — от этого толку не будет.

Тэсс спорить не стала. Она знала, почему мать возражает ей. Жакет и шляпа миссис Дарбейфилд уже висели на стуле, приготовленные для этой заранее задуманной прогулки, о необходимости которой матрона сожалела меньше, чем о поводе к ней.

— А «Полный предсказатель судьбы» отнеси в сарай, — продолжала она, быстро вытирая руки и одеваясь.

«Полный предсказатель судьбы», старая пухлая книга, лежал подле нее на стуле; ее так часто носили в кармане, что от полей не осталось и следа и шрифт доходил до края страниц. Тэсс взяла книгу, а мать отправилась в путь.

Походы в трактир в поисках беспутного супруга были одним из любимейших развлечений миссис Дарбейфилд, замученной скучной возней с детьми. Отыскать мужа у Ролливера, посидеть там подле него часок-другой и отбросить на это время мысли и заботы о детях — вот что делало ее счастливой. И тогда, словно сиянием, предзакатным блеском озарялась жизнь. Невзгоды и другие реальные собы-

тия обретали метафизическую неосязаемость, переставали быть настойчивыми конкретными фактами, раздражающими тело и душу, и переходили в категорию умозрительных явлений, которые можно созерцать спокойно. Дети, когда они не находились тут же на глазах, казались скорее приятными и желанными атрибутами жизни, повседневные заботы представлялись, пожалуй, в освещении забавном и радостном. До известной степени она переживала то же ощущение, какое испытывала некогда в обществе своего супруга — в то время еще жениха, — когда, сидя с ним в том же трактире и забывая о его недостатках, видела в нем только идеального возлюбленного.

Тэсс, оставшись с младшими детьми, прежде всего отнесла в сарай книгу для гаданья и сунула ее под кровлю. Ее мать испытывала перед этой грязной книгой странный суеверный страх и никогда не позволяла оставлять ее на ночь в доме; поэтому, посоветовавшись с книгой, ее тут же относили обратно в сарай. Между матерью — хранительницей быстро исчезающих суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад — и дочерью, обучавшейся по новым программам в шестиклассной национальной школе, пропасть была, как принято считать, в двести лет. Когда они бывали вместе, век Елизаветы и век Виктории соприкасались.

Возвращаясь по садовой дорожке, Тэсс размышляла о том, что хотела узнать ее мать из этой книги именно сегодня, и без труда догадалась, что дело шло о недавнем открытии. Отогнав эти мысли, она начала обрызгивать высохшее за день белье, ей помогли ее девятилетний брат Абрэхэм и сестра Элиза Луиза двенадцати лет, которую звали в семье Лиза Лу; младших детей уложили спать. Между Тэсс и ее сестрой была разница в четыре года, так как двое детей, родившихся в этот промежуток, умерли во младенчестве, и потому Тэсс, оставаясь одна с младшими детьми, как бы замещала

мать. За Абрэхэмом шли еще две девочки, Хоуп и Модести, затем трехлетний мальчик и, наконец, малютка, которому недавно исполнился год.

Все эти юные создания были пассажирами на дарбейфилдском корабле, и от решений двух старших Дарбейфилдов всецело зависели их развлечения, удовлетворение их потребностей, их здоровье и даже жизнь. Если бы эти двое, возглавлявшие дарбейфилдский дом, вздумали вести судно навстречу бедам, катастрофе, голоду, унижению, смерти, — туда вынуждены были бы плыть вместе с ними и шесть маленьких пленников, заключенных в трюме, шесть беспомощных созданий, которых никто не спросил о том, хотят ли они вообще жить, и тем более жить в таких тяжких условиях, какие были неизбежны в безалаберном доме Дарбейфилдов. Хотелось бы знать, откуда почерпнул право говорить о «священном плане Природы» поэт, чья философия почитается в наши дни глубокой, а стихи — легкими и прозрачными.

Время шло, но ни отец, ни мать не возвращались. Тэсс выглянула за дверь и мысленно совершила прогулку по Марлоту. Деревня засыпала. Всюду тушили свечи и лампы; Тэсс представила себе протянутую руку и колпачок, которым гасят свет.

Когда мать отправлялась за отцом, это означало, что кто-то должен сходить за ними обоими. Тэсс понимала, что человеку со слабым здоровьем, собирающемуся отправиться в путь после полуночи, не следует засиживаться до позднего часа в трактире и пировать в честь древнего своего происхождения.

— Абрэхэм, — сказала она братишке, — надень-ка шапку и ступай к Ролливеру. Ты не боишься? Узнай, что случилось с отцом и матерью.

Мальчик быстро вскочил, открыл дверь, и ночь поглотила его. Прошло еще полчаса; мужчина, женщина и ребенок

не возвращались. Казалось, Абрэхэм, как и его родители, оказался жертвой губительного трактира.

— Придется пойти мне самой, — сказала Тэсс.

Лиза Лу легла спать, а Тэсс, заперев их всех в доме, побрела по темной извилистой улице, не приспособленной для быстрого хождения, — улице, проложенной в те времена, когда еще не ценился каждый дюйм земли и часов с одной стрелкой было достаточно для деления дня.

4

Трактир Ролливера, единственное питейное заведение в этом конце деревни, длинной, с беспорядочно разбросанными домами, мог похвастаться всего лишь разрешением продавать спиртные напитки навынос: и так как пить в доме — значило нарушить закон, то для удобства клиентов к садовой ограде была прикреплена служившая полкой доска шириной дюймов в шесть и длиной в два ярда — этим ограничивались все приспособления. Жаждающие путники ставили на эту доску свои кружки, опивки выплескивали на пыльную землю, покрывая ее полинезийскими узорами, и жалели, что не могут посидеть и отдохнуть в доме.

Так обстояло дело с прохожими. Но ту же потребность испытывали и местные клиенты, а воля, как известно, рушит препятствия.

На верхнем этаже в просторной спальне, окно которой было занавешено большой плотной шерстяной шалью, еще не так давно служившей миссис Ролливер, хозяйке трактира, собралось в тот вечер человек двенадцать, жаждущих радости, — все местные старожилы и завсегдатаи этого уютного уголка.

«Чистая капля» — трактир, имевший разрешение обслуживать клиентов внутри помещения, был расположен в дальнем конце широко раскинувшейся деревни, что делало его,

в сущности, недоступным для жителей этой окраины; вдобавок имелась и более серьезная причина — качество напитков: мнение большинства было таково, что лучше пить с Ролливером в углу на чердаке, чем в просторном зале с хозяином другого трактира.

Старомодная кровать без матраца, стоявшая в комнате, служила сиденьем для нескольких человек, расположившихся по трем ее сторонам; двое взобрались на комод, еще один восседал на резном дубовом сундуке и еще один на табурете, — таким образом, все разместились более или менее удобно. К этому часу они достигли той стадии духовной удовлетворенности, когда души их расцвели и, уже не вмещаясь в телесную оболочку, освещали комнату. Благодаря этому процессу и комната и мебель облагораживались, становились все более и более роскошными; шаль, которой было занавешено окно, превратилась в гобелен; медные ручки комода стали благородным золотом, а резные столбики кровати, казалось, состояли в родстве с великолепными колоннами Соломонова храма.

Расставшись с Тэсс, миссис Дарбейфилд быстро дошла до трактира, открыла парадную дверь, пересекла комнату нижнего этажа, погруженную в глубокий мрак, а затем привычной рукой, хорошо знакомой со здешними щеколдами, отперла дверь, ведущую на лестницу. По ветхим ступеням она поднималась медленнее, и когда ее лицо показалось над освещенной верхней площадкой лестницы, к ней обратились взгляды всей компании, собравшейся в спальне.

— ...близкие друзья, которых я угощаю за свой счет по случаю клубного праздника, — слышав шаги, проговорила хозяйка бойко, как ребенок, отвечающий катехизис, и с этими словами выглянула на лестницу. — Ах, это вы, миссис Дарбейфилд! Господи, ну и перепугали же вы меня! А я уж подумала, что это кто-нибудь, присланный властями.

Остальные члены конклава приветствовали миссис Дарбейфилд взглядами и кивками, после чего она повернулась к тому месту, где сидел ее супруг. Он рассеянно мурлыкал себе под нос:

— Я не хуже, чем кое-кто из здешних мест! У меня есть большой семейный склеп в Кингсбир-суб-Гринхилле, и во всем Уэссексе ни у кого нет покойничков лучше, чем у меня!

— Я должна тебе сказать, что мне пришла по этому случаю в голову замечательная мысль! — прошептала его веселая жена. — Послушай, Джон, ты что, не видишь меня?

Она подтолкнула его локтем, но он, глядя сквозь нее, словно сквозь оконное стекло, продолжал свой речитатив.

— Ш-ш! Не пойте так громко, дружище, — сказала хозяйка. — Чего доброго, услышит кто-нибудь из властей и отберет у меня патент.

— Он, небось, вам рассказал уже, что у нас случилось? — спросила миссис Дарбейфилд.

— Вроде как рассказал. А деньги-то вы от этого какие-нибудь получите?

— Кто его знает! — благоразумно ответила Джоан Дарбейфилд. — Все же неплохо быть в родстве с каретой, даже если в ней и не ездешь.

Это она произнесла во всеуслышание, но затем понизила голос и снова обратилась к своему супругу:

— Как ты ушел, я припомнила, что в Трэнтридже, на опушке Заповедника, живет одна знатная и богатая дама по фамилии д'Эрбервилль.

— А? Что? — сказал сэр Джон.

Она повторила:

— Должно быть, эта дама — наша родственница. Вот я и надумала послать к ней Тэсс и объявить о родстве.

— А ведь вправду дама с такой фамилией имеется, раз уж ты об этом заговорил, — сказал Дарбейфилд. — Священник

Трингхэм про нее забыл. Но она — ничто по сравнению с нами, — должно быть, младшая ветвь, из тех, что появились гораздо позже короля-норманна.

Занятая обсуждением этого вопроса, пара не заметила, как маленький Абрэхэм пробрался в комнату и встал рядом, ожидая случая заговорить с родителями и увести их домой.

— Она богата и, конечно, позаботится о нашей дочке, — продолжала миссис Дарбейфилд, — а это будет очень кстати. И конечно, членам одного рода следует познакомиться друг с другом поближе.

— Да, и мы поедem объявить о родстве! — раздался из-под кровати веселый голос Абрэхэма. — И мы все будем ездить к ней в гости, когда Тэсс туда переедет; будем кататься в ее карете и одеваться в черную одежду.

— Откуда ты взялся, малыш? И что за глупости ты болтаешь! Ступай поиграй на лестнице, пока отец и мать не освободятся!.. Да, Тэсс следует пойти к этому члену нашего рода. И уж Тэсс наверняка ей понравится; а потом на ней может жениться какой-нибудь благородный джентльмен. Да что говорить! Это так и будет, я уж знаю!

— Откуда?

— Я гадала по «Предсказателю судьбы», и так оно все и выходит... Ты бы поглядел, какая она была сегодня хорошенькая; кожа у нее нежная, как у герцогини.

— А что говорит она сама? Пойдет она туда?

— Я ее не спрашивала. Она еще не знает, что у нас есть такая родственница. Но, конечно, это поможет ей найти благородного мужа, и она не откажется пойти.

— Тэсс не поймешь!

— Но с ней можно справиться... Это уж предоставь мне.

Хотя разговор этот не предназначался для посторонних, окружающие расслышали достаточно, чтобы понять, что у Дарбейфилдов имеются теперь темы для разговора более

СОДЕРЖАНИЕ

Фаза первая. <i>Девушка</i>	7
Фаза вторая. <i>Больше не девушка</i>	94
Фаза третья. <i>Выздоровление</i>	126
Фаза четвертая. <i>Последствия</i>	187
Фаза пятая. <i>Женщина расплачивается</i>	275
Фаза шестая. <i>Обращенный</i>	366
Фаза седьмая. <i>Завершение</i>	441

Літературно-художнє видання

ГАРДІ Томас
Тесс із роду д'Ербервіллів
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 29.01.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 25,2. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ГАРДИ Томас
Тэсс из рода д'Эрбервиллей
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *К. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 29.01.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 25,2. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Тесс змушена була з юних років стати опорою для своєї сім'ї. На плечі тендітної дівчини впав тягар важких турбот. Але доля дарує їй шанс вирватися з убогості й смутку. Мати Тесс дізнається, що неподалік від їхнього села живе багата місис д'Ербервіль. І, вирішивши, що та є їхньою далекою родичкою, Тесс вирушає до неї. У розкішному маєтку дівчину зустрічає син міс д'Ербервіль — молодий і привабливий Алек. Він обіцяє допомогти дівчині, бо його серце полонив її світлий образ. Але чи такими ж світлими є думки знатного красеня? І які випробування доведеться пройти цій тендітній дівчині, щоб здобути щастя?

Гарди Т.

Г20 Тэсс из рода д'Эрбервиллей : роман / Томас Гарди ; пер. с англ. А. Кривцовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 480 с.

ISBN 978-617-12-5776-4

Тэсс вынуждена была с юных лет стать опорой для своей семьи. На плечи хрупкой девушки упало бремя тяжелых забот. Но судьба дарит ей шанс вырваться из нищеты и горестей. Мать Тэсс узнает, что неподалеку от их деревни живет богатая миссис д'Эрбервилль. И, решив, что та является их дальней родственницей, Тэсс отправляется к ней. В роскошном поместье девушку встречает сын мисс д'Эрбервилль — молодой и привлекательный Алек. Он обещает помочь девушке, потому что его сердце пленил ее светлый образ. Но являются ли помыслы знатного красавца такими же светлыми? И какие испытания предстоит пройти этой хрупкой девушке, чтобы обрести счастье?

УДК 821.111